

Кантовская критика онтологического аргумента в освещении

В.Д. Кудрявцева-Платонова

В.И. Коцюба

Московский физико-технический институт (государственный университет)

Онтологический аргумент представляет собой вывод о реальном существовании чего-либо исходя исключительно только из понятия о том, существование чего мы доказываем. В классическом виде этот аргумент одним из первых использовал средневековый мыслитель Ансельм Кентерберийский в т.н. онтологическом доказательстве бытия Бога, представляемого в понятии абсолютного максимума (того, больше чего нельзя помыслить), с необходимостью включающего в числе прочих и предикат существования. Онтологический аргумент уже во времена Ансельма встретил возражения и затем на протяжении всей истории философии одними мыслителями (Спиноза, Декарт, Лейбниц) он поддерживался, другими (Фома Аквинский, Гоббс) критиковался. Особую известность приобрела критика, предложенная Кантом. Некоторыми она была воспринята как окончательное опровержение онтологического аргумента. Но и после Канта вплоть до наших дней онтологический аргумент продолжает оставаться предметом дискуссий, в частности, в современной аналитической философии. К вопросу о правомерности онтологического доказательства и его критики обращались и многие представители русской духовно-академической философии, в частности Ф.А. Голубинский, С.С. Гогоцкий, П.Д. Юркевич. В начале 20-го века отдельный большой очерк истории онтологического доказательства написал С.Л. Франк.

Данный доклад посвящен разбору кантовской критики онтологического аргумента у одного из самых видных мыслителей духовно-академической традиции второй половины XIX века В.Д. Кудрявцева-Платонова (1828-1891). Последний различает возражения Канта против формы онтологического доказательства и против его содержания. Первые указывают на то, что в доказательстве неправомерно от необходимой связи понятий в суждении переходят к необходимости существования предметов, обозначаемых данными понятиями. Если мы утверждаем логически необходимую связь между каким-либо субъектом и

предикатом, из этого не следует, что мы не можем отрицать субъект вместе с необходимо присущими ему предикатами. Кант приводит известный пример Декарта с треугольником. Декарт в свое время утверждал, что для совершенного существа Бога бытие является таким же необходимым свойством, как для треугольника иметь сумму углов равной двум прямым (180°), поэтому как во втором, так и в первом случае, мы не можем отрицать предикаты (свойства) у субъектов без противоречия. Кант замечает, что противоречие возникает только в том случае, если мы, утверждая существование треугольника, отрицаем у него наличие какого-либо необходимого свойства, например, наличие трех углов. Но если мы отрицаем сам субъект (существование треугольника), то с ним мы отрицаем и все необходимо присущие ему свойства, и их отрицание не ведет к противоречию.

К содержанию онтологического доказательства возражения Канта сводятся к тому, что «существование» не является реальным предикатом, т.е. таким, который добавляет что-то новое к содержанию понятия субъекта, которому он приписывается. Иными словами, признак бытия ничего не добавляет к понятию о предмете: «сто действительных талеров ничем не больше ста возможных».

Кудрявцев-Платонов согласен с первым возражением, что онтологический аргумент в той форме, которую ему во времена Канта придали Лейбниц и Вольф, лишь доказывает субъективную необходимость мыслить определенный предмет существующим без знания о том, существует ли он на самом деле вне нашего сознания. Но недостаточно корректная формулировка онтологического аргумента не означает его ложность. Кудрявцев-Платонов замечает, что возражение Канта против формы доказательства опирается на смешении общей категории бытия с частным понятием бытия реального. В общем смысле для нас существует все то, что мы можем представлять в нашем сознании. Но это все существует только в нашем сознании, в нашей мысли. И мы можем в мысли полагать треугольник с его неотъемлемыми свойствами и в мысли же и отрицать его существование. Однако, замечает Кудрявцев-Платонов, «от простой категории бытия как положения чего-либо в мысли, от существования в нашем уме, мы должны отличать бытие вне нас, реальное существование». Предикат реального бытия добавляет важную черту в наше представление о предмете, а именно то, что он обладает помимо мысленного и таким бытием, которое нельзя отрицать. В связи с этим Кудрявцев-Платонов не согласен с Кантом, что бытие не является реальным предикатом, т.е. не вносит

ничего нового в содержание понятия о предмете. И в примере Канта со ста талерами, сто реальных талеров у нас в кармане имеют для нас существенное отличие от ста воображаемых талеров, на которые ничего нельзя купить. Кант согласился бы, замечает Кудрявцев-Платонов, что для нас сто реальных талеров, несомненно, лучше, чем сто воображаемых. Но эту же мысль ранее проводил и Ансельм, утверждавший, что быть на самом деле больше и лучше, чем быть только в мысли, и потому, если самое совершенное Существо есть только в мысли, оно не будет самым совершенным. Онтологический аргумент говорит как раз о бытии как реальном существовании, а именно, что мы из анализа определенного понятия убеждаемся в реальном бытии предмета, который обозначается этим понятием.

По мнению Кудрявцева-Платонова, наше отношение к онтологическому аргументу зависит от теории познания, которую мы принимаем. Канту мешает принять этот аргумент его субъективно-идеалистическая теория познания, согласно которой наши рациональные понятия только субъективные продукты нашей познавательной способности, а категории возможности, действительности и необходимости – только субъективные формы мышления, которым ничего не соответствует в реальности. «Но дело принимает совершенно иной вид, ... если мы признаем, что наше познание имеет объективный, соответствующий действительности характер, что мы можем познавать не только, так сказать, само наше познание, но и действительность, как она есть вне нашего познания».

Кудрявцев-Платонов предлагает свою версию онтологического аргумента, подкрепленного тезисами его теории познания, согласно которой необходимым понятиям нашего разума соответствует действительность. Такое понятие указывает на реальное бытие как на неотъемлемый признак своего предмета. Необходимыми Кудрявцев-Платонов называет те понятия, которые возникают у нас в результате воздействия на наши органы восприятия самих предметов. Будучи сформированы под воздействием предметов, они указывают на их существование вне нашего сознания. Но это указание на существование предметов имеет место в нашем сознании вовсе не в виде рационального доказательства существования предметов. Кудрявцев-Платонов отмечает, что есть множество вещей, бытие которых мы не можем доказать рационально, но это не подрывает нашей уверенности в бытии этих вещей, если их существование непосредственно свидетельствуется нашим сознанием. Например, мы не можем из общих понятий рассудка доказать рационально бытие внешних предметов или наших внутренних психических

состояний (доказать, что мы думаем о чем-либо или желаем чего-либо). Забвение особенностей того, каким образом мы удостоверяемся в существовании чего-либо, как пишет Кудрявцев-Платонов, привело к крайностям как идеализма, так и сенсуализма. И тот, и другой были правы, утверждая, первый, что нельзя доказать бытие внешних предметов, второй, что нельзя доказать реальность мира сверхчувственного. Но оба были неправы, когда на основании этого, первый отрицал бытие внешних предметов, а второй утверждал, что кроме чувственных предметов ничего нет. Удостоверение сознания в реальности чего-либо на деле относится к области не рассудочного, а непосредственного знания. Первое дает понятие о предмете, это знание в собственном смысле, второе – сам предмет понятия, уверенность в его бытии. Как отмечает Кудрявцев-Платонов, необходимость непосредственного знания в определенном смысле не отрицал и сам Кант. Так, он признавал, что содержание мышления происходит от объекта, а не от субъекта познания, и потому уверенность в существовании предметов вне нас основывается на впечатлениях от них. Применяя это правило к идее Абсолюта, Кант утверждал, что для удостоверения нас в реальном бытии предмета этой идеи чувство должно указать такой предмет, но это невозможно, поскольку Абсолют как нечто безусловное не может быть предметом чувства. Кудрявцев-Платонов замечает, что Кант не доказывает последний тезис и задает вопрос, а почему Абсолют не может быть предметом чувства? Кудрявцев-Платонов согласен, что внешнее чувство, имеющее дело с объектами, ограниченными пространством и временем, действительно, не может иметь своим предметом Абсолют. Но Кант признает также внутреннее чувство, воспринимающее наши внутренние психические состояния. По мнению Кудрявцева-Платонова, Кант без доказательств произвольно ограничивает область внутреннего чувства только восприятием психических состояний человека. Сам же Кудрявцев-Платонов считает, что Абсолют воздействует на внутреннее чувство человека, и именно поэтому у человека возникает идея Абсолюта, не выводимая из внешнего чувственного опыта. Онтологический аргумент фиксирует наличие этой идеи в нашем сознании, само существование которой в нашем уме указывает на реальность ее предмета.

Литература

1. *Кант И.* Критика чистого разума М.: Мысль, 1994. – 591 с.
2. *Коцюба В.И.* Кантовская критика онтологического доказательства // *Concept*. –

2009. – Сентябрь. – С. 22-38.

3. *Кудрявцев-Платонов В.Д.* Сочинения. В 3 т. Т.1, Вып.3. – Сергиев Посад, 1894. – 367 с.

4. *Кудрявцев-Платонов В.Д.* Сочинения. В 3 т. Т.2. – Сергиев Посад, 1893. – 509 с..